

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА
И
ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

№ 1 (22)

МОСКВА
1926

И. В. Холщевников.

Чита в 1905 году.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Воспоминания бывшего военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И. В. Холщевникова, помещаемые ниже, могут представить известный интерес для историка 1905 года, как памятник мемуарной литературы, конечно, со всеми присущими этому виду источников недостатками.

Несмотря на ряд ценных публикаций на страницах исторических журналов («Былое», «Красный Архив» и др.), картина развития революционных событий на окраинах, в том числе и в Сибири, во многих отношениях и до сих пор еще остается недостаточно ясной. Появляющиеся время от времени на страницах повременных изданий воспоминания участников и очевидцев этих событий могут лишь отчасти уяснить обстановку и условия, в которых развивалось движение и уж, конечно, ни в коем случае не могут заполнить пробелов в публикации документального материала, как бы ни была совершенна память пишущего,—всегда возможны ошибки, погрешности, не говоря уже о полном субъективизме в понимании и оценке описываемых событий. (Впрочем, этот же субъективизм сообщает порою особенный интерес мемуарам, позволяя ближе ознакомиться с личностью писавшего).

Публикуемые записки не могут считаться исключением в этом отношении; напротив, они, быть может, как раз являют собою пример крайне субъективного толкования описываемого. За двадцатипятилетний срок многое неизбежно выветрилось из памяти автора (даты, фамилии, мелкие факты), но понимание событий, казалось бы, должно было остаться. Напрасно, однако, стали бы мы искать в воспоминаниях И. Холщевникова изложения последовательного развития и роста социал-демократического движения в Забайкалье, проникновения его в среду железнодорожных рабочих местных мастерских, организации стачечных комитетов, оценки их роли в революционном движении, проникновения революционной пропаганды в военные части и степени участия солдатских масс и офицерства в революционном движении 1905 года. Все это, как

убийств¹, грабежей и пожаров. В городе установилась совершенно нормальная жизнь, не нарушенная и манифестацией 9 января; но атмосфера жизни была «затишьем перед бурей в ожидании расплаты»...

А расплата была уже близка: в это время надвигалась гроза на Читу с востока (из Харбина) и с запада—по Сибирской жел. дороге, где свирепствовал ген. Меллер-Закомельский, перебравшийся в январе и на Забайкальскую железную дорогу. «Еще в Омске, 9 января, я узнал о выступлении генерала Ренненкампа на Забайкальскую железную дорогу для уничтожения в Чите временного правительства и для водворения порядка на железной дороге,—пишет в своем докладе от 8 февраля 1906 г. бар. Меллер-Закомельский. — 11 января я получил от генерала Ренненкампа телеграмму, в которой он меня просил помочь ему взять Читу». А между тем ген. Ренненкамп вез с собою на Читу почтенные силы: «он подошел к Чите с целой стрелковою дивизией, с 2 гаубицами, 2 горными орудиями и сотнею казаков²)»,—продолжает далее в своем докладе бар. Меллер-Закомельский: «Необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры»,—добавляет он при этом.

Насколько страшной казалась Чита этому «герою», если, имея такие силы в своем командовании, он просил еще помощи у бар. Меллера-Закомельского! Ренненкамп двигался, что называется, «со всяким началом и властью»: ему предшествовал с частью войск ген. Полковников, назначенный забайкальским временным генерал-губернатором, а сему последнему—ген. Сычевский, предназначенный моим заместителем.

В начале второй половины января я получил от ген. Ренненкампа телеграмму: «Объявите населению, что, в случае малейшего покушения на мой поезд, будут немедленно расстреляны без суда все арестованные в поезде». Я приказал немедля напечатать в объявлении эту телеграмму и расклеить ее в городе. На другой или третий день, числа 19 января часу в 9-м вечера, явился ко мне в дом ген. Сычевский с назначенным начальником штаба области. Сычевский прибыл с двумя ротами стрелков, которые сопровождали его от жел.-дор. вокзала до губернаторского дома и оцепили последний.

Сычевский, это — карьерист, перешедший в строй из военного судебного ведомства, и подстрекатель ген. Ренненкампа во время карательной экспедиции. «Герой» против мирного населения города и рабочего поселка оказался трусом, как рассказывал мне ген. Мадритов, в последней мировой войне, во время которой он, Сычевский, командовал корпусом в его армии. Совсем другим был ген.

¹ За исключением двух упомянутых прискорбных случаев в начале революции.

² В этом отряде была не сотня казаков, а одна или две конно-охотничьих команды.

Полковников: я слышал, что это был честный человек, иначе относившийся к карательной экспедиции и очень скоро отказавшийся от своей должности, выехав из Забайкалья в Европ. Россию. Звание временного генерал-губернатора перешло к Сычевскому.

По приезде своем Сычевский объявил мне приказ ген. Полковникова выехать теперь же, вечером, навстречу Полковникову, поезд которого остановился на ближайшей к Чите станции.

Для поездки оказался подходящий поезд местного сообщения, так-называемый «ученический», с которым я и выехал. Прибыв на станцию, я перешел в вагон к Полковникову. Он, в свою очередь, объявил мне приказание Ренненкампфа выехать теперь же к нему, кажется, на станц. «Оловянная»⁽⁴⁸⁾. Я заявил, что в данное время нет поезда, с которым я мог бы выехать; поезд, в котором я прибыл к нему, должен сейчас же возвратиться в Читу.

— В таком случае,—ответил Полковников,—выезжайте завтра с первым поездом, а теперь возвращайтесь домой, но оставьте у меня вашу шашку: вы считаетесь арестованным.

На следующий день около полудня я выехал к Ренненкампфу. Поезд прибыл на станцию (Оловянная) поздно вечером; мой вагон отцепили и несколько часов возили его по путям, пока не поставили его в голову поезда Ренненкампфа. Последним я был принят на следующее утро. Поезд его, простояв еще едва ли не целый день, постепенно начал продвигаться к Чите с продолжительными остановками на значительных станциях, в особенности на ближайшей к Чите: здесь выгружена была часть отряда поезда и приняты были меры разведки в направлении Читы. В Читу Ренненкампф прибыл с большею частью войска своего отряда едва ли не на третий день⁽⁴⁹⁾.

Пока продвигался Ренненкампф к Чите, Сычевский уже приступил к арестам, опираясь на прибывший эшелон войск Полковникова. По прибытии Ренненкампфа скоро начались и расстрелы в Чите. Сколько было расстреляно за время его пребывания в Чите, мне неизвестно, но помню, что в числе их были расстреляны: Костюшко-Валюжанич, Кларк, бывш. председатель жел.-дор. стачечного комитета, и Столяр, старый партийный работник (фамилии его не помню)⁽⁵⁰⁾. Поезд Ренненкампфа прибыл на станцию Чита-город вечером; я освобожден был от ареста в поезде и отправился домой. В это время у меня в доме производился обыск. При обыске, конечно, ничего не было обнаружено. Некоторое время я оставался на свободе; положение было неопределенное. 1-го февраля проследовал через Читу в Манчжурию ген. Гродеков⁽⁵¹⁾ на смену ген. Линевицу. На другой день после этого я получил от Сычевского письменное извещение, что против меня возбуждается уголовное преследование за «государственную измену» и что я считаюсь под надзором и домашним арестом. Через несколько дней Ренненкампф предложил мне выселиться из губернаторского дома, и я переехал, по предложению

говорили тогда мне, симпатично и не опротестовавший приговора суда. Защищали меня А. С. Зарудный и П. Н. Переверзев, специально командированные в Сибирь союзом петербургских адвокатов. Приговором суда ген. Румшевичу объявлено было «замечание»; я же был приговорен к ограничению прав, исключению со службы (без лишения чина) и заключению в крепость на 1 г. 4 мес. Я подал кассацию в главный военный суд, но последний своим решением (в июле) оставил ее без последствий.

В начале июня в Харбин (ген. Гродекову) передан был телеграфом приказ военного министра, а из Харбина—ген. Сычевскому¹—откомандировать меня в Петербург в распоряжение военного министерства, при чем в телеграфном распоряжении предписывалось сообщить в канцелярию военного министра, когда именно я предполагаю выехать из Читы.

Ген. Сычевский сообщил мне (письменно) об этом. Я письменно же ответил, что предполагаю выехать из Читы 9 июня.

Наступил день моего отъезда. Приблизительно за полчаса до отправления моего на вокзал ко мне явился новый полицеймейстер² и доложил мне, что на вокзале собирается для проводов очень много публики и может произойти какая-либо нежелательная манифестация. «В виду этого,—продолжал он,—военный губернатор просит вас принять какие-либо меры влияния вашего, чтобы этого скопления публики для проводов не было».

— Просьба эта более чем странная,—ответил я.—Передайте вашему военному губернатору, что я могу выразить желающим проводить меня только сердечную признательность за их внимание и искренно на прощанье пожать руки представителям населения, а никак не сказать им—не провожайте меня. Что же до нежелательной манифестации, то эта забота совсем меня не касается: это дело Сычевского. Так и передайте ему.

Сердечно простившись с доброй, симпатичной семьей Романа Михайловича Саврасова, я отправился с ним на вокзал. Вокзал и дебаркадер были переполнены публикой. Здесь меня сердечно приветствовали представители городского самоуправления, мещанского и еврейского обществ, от детского приюта; были там и некоторые лица из духовенства, офицеры и много посторонней городской публики; многие из прибывших пробирались через толпу, чтобы высказать мне доброе слово и пожать руку. На все приветствия, за недостатком времени,—поезд и без того задержался,—я мог отвечать только в коротких выражениях отдельным лицам, даже на-ходу, пробираясь сквозь толпу к своему вагону. Я был глубоко тронут и взволнован оказанным мне вниманием. Наконец, я в вагоне, любезно предоставленном мне до Иркутска администрацией Забайк. жел. дор. В вагон

¹ В это время Ренненкампа уже не было в Забайкальской области.

² В 1906 г. был убит в Чите.

Р. М. Саврасова, в его маленький домик, где нашел приют в его милой семье. Однако, очень скоро я был отправлен в тюрьму, собственно говоря—дом, специально приспособленный в это время для тюремного содержания. Он был уже переполнен арестованными. Подстрекатель Сычевский действовал, что называется, во-всю. Большую роль сыграли и доносы разных черносотенцев. Арестована была масса офицеров, чиновников и городских обывателей Читы. Я был водворен в одиночную камеру, с приставлением часового к дверям ее. Перед отправлением меня в тюрьму я успел написать телеграмму военному министру А. Ф. Редигеру. Благодаря этому, а также в виду переполнения арестного дома, меня перевели на содержание под арестом, под усиленной охраной, в домике Р. М. Саврасова; домик был окружен часовыми, стоявшими с каждой стороны его под окнами и у входных дверей; начальнику, ун.-офиц. караула, дана была письменная инструкция на предмет надзора за арестованным и, между прочим, предписывалось «осматривать большие сундуки и корзины, если бы таковые выносились из дома». Началось расследование. Я представил свое объяснение (письменно) на ряд предложенных мне Сычевским вопросов. Кто был опрошен по моему делу, мне неизвестно было. Скоро я узнал, что меня предают суду, и я был переведен для содержания в отдельном вагоне, поставленном на запасном пути, под усиленной охраной. Здесь находился и ген. Румшевич. В этом вагоне мы содержались до суда более месяца. Не помню, по какой статье закона было предъявлено обвинение ген. Румшевичу⁽⁵²⁾; я же был предан суду по 100 ст. уголовн. улож. и 173 улож. о наказ.— по обвинению в соучастии в насильственном покушении на ниспровержение государственного строя империи.

Военный суд, специально для этого дела назначенный из Харбина, состоялся в Чите 8—12 мая 1906 г. Судьба меня хранила. Военный министр А. Ф. Редигер, мой товарищ по академии ген.-штаба (годом старше меня), уже в марте принял близкое участие в моем деле, все время успокаивая мою дочь, бывшую в то время в Петербурге и неоднократно посещавшую его по моему делу. Еще до суда дочь телеграфировала мне: «Александр Федорович сказал, что судом разрешена будет кассация приговора и чтобы ты кассировал его». Нужно заметить, что, как ни строг был в то время установленный надзор за почтой и телеграфом, телеграфные служащие находили возможность передавать немедленно мои телеграммы в Петербург и доставлять мне (через Р. М. Саврасова) получаемые из Петербурга.

Председателем суда был ген. Кашталинский⁽⁵³⁾, мой хороший приятель по службе на Дальнем Востоке, а членом суда—военный юрист ген. Дорогой, его приятель, товарищ по кадетскому корпусу. Военным прокурором был ген. Симашко, отнесшийся ко мне, как

к себе я пригласил Прошутинского, уезжавшего в Верхнеудинск. Раздался третий звонок, и поезд тронулся при приветствиях публики... Не доходя несколько до ст. Чита 2-я (рабочий поселок), поезд остановился на раз'езде. Через несколько минут мы услышали возгласы «ура» из вагонов проходившего мимо нас поезда. Прошутинский вышел на площадку вагона и, тотчас же вернувшись, сказал мне:

— Это солдаты провозглашают «ура».

Я вышел на площадку и увидел, что в поезде был воинский эшелон, и когда вагон за вагоном встречного поезда равнялись с моим вагоном, солдаты, скучившиеся в дверях площадок, громко кричали: «генералу Холщевникову «ура!»... Наконец, наш поезд тронулся далее; станция Чита 2-я только промелькнула. В Верхнеудинске мы сердечно распрощались с Прошутинским; далее я следовал уже один...

В этом одиночестве ярко вспыхнуло в моей памяти все «прожитое и пережитое» в Чите... Я уезжал из Забайкалья с сознанием нравственного удовлетворения, что я внес свою, хотя и маленькую, лепту в дело завоевания народом свободы и что охранил город от ужасов кровопролития, погромов, пожаров и грабежа; в этом отношении воспоминание о Чите является для меня одной из светлых страниц моей жизни. Чита не знала тяжелых испытаний в 1905 г., не перенесла ужасов Владивостока, в особенности Томска, Киева, Екатеринослава, Кишинева и многих других городов...

Я сознавал, что уезжаю из Читы навсегда, что уже больше не увижу Читы... Но вот наступает 20-я годовщина минувших событий в Чите; в эту годовщину я буду сердцем, всеми своими мыслями и чувствами в Чите...

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ.

1. Сахаров, Вл. Виктор., генерал-лейтенант. В начале войны был начальником штаба главнокомандующего, затем командовал 7 армейским корпусом.

2. Харкевич, Влад. Иван., генерал-лейтенант, был начальником полевого штаба 1-й манчжурской армии, затем начальником штаба главнокомандующего (при ген. Линевице).

3. Колюбакин, Алекс. Мих., генерал-майор, наказной атаман Уссурийского казачьего войска и военный губернатор Приморской области.

4. Куропаткин, Алекс. Никол., генерал-от-инфант., к моменту объявления японской войны занимал должность военного министра, был назначен с этой должности командующим манчжурской армией, затем главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии. В марте 1905 г. был смещен с этой должности, уступив свое место генералу Линевицу; некоторое время оставался командующим 1-й манчжурской армией, пока не был отозван в Петербург.

5. Сахаров, Викт. Викт., генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с назначением генерала Куропаткина командующим манчжур. армией, назначен военным министром.

6. Впоследствии вместе с Холщевниковым был отрешен от должности.

7. Упорно муссировали слухи о большом личном влиянии этого чиновника на губернатора.

8. Сычевский, Аркадий Валер., генерал-майор. Вскоре после смещения Холщевникова был назначен воен. губернатором Забайкальской области и врем. командующим войсками. Вместе с генералом Ренненкампом принимал горячее участие в расправе над забайкальскими революционерами. Был выслан Ренненкампом вперед, при приближении к Чите карательного отряда, для переговоров о сдаче города.

9. Ренненкампф, Павел Карл., генерал-лейтенант, командовал 3-м сибирским армейским корпусом, когда получил от Николая II приказ формировать в Харбине карательный отряд для борьбы со стачечным движением на Восточно-Китайской и Забайкальской железных дорогах. Шифрованная телеграмма царя генералу Линевицу от 13 декабря была передана в виду почтово-телеграфной забастовки кружным путем через Нагасаки. В ней предписывалось «безотлагательно возложить на генерал-лейтенанта Ренненкампа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской ж. д. полного с их стороны подчинения требованиям законных властей. Для достижения этого применить все меры, которые генерал Ренненкампф найдет необходимыми, для исполнения поставленной ему обязанности. Мятежный дух среди части телеграфных и железнодорожных служащих, необходимость обеспечить и вывести армию из ее тяжелого положения побудят доверенного мною генерала не останавливаться ни перед какими затруднениями. Чтобы сломить дух сопротивления и мятежа... (Полный текст телеграммы приведен в ст. В. М. «К истории карательных экспедиций в Сибири». «Красный Архив», кн. 1. М. 1922, страницы 330—331).

9-го января сформированный Ренненкампом отряд выступил из Харбина, а 23-го был уже в Чите.

10. Карцев, генерал-майор, командовал сводной казачьей дивизией.

11. Фищев, Павел Порф., начальник Акатуевской тюрьмы, впоследствии привлекался Ренненкампом к суду по делу об освобождении из тюрьмы матросов транспорта «Прут».